

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
I. Рейтары	16
II. На следующий день после пирушки	38
III. Придворная молодежь	48
IV. Обращенный	66
V. Проповедь	78
VI. Глава партии	87
VII. Глава партии (<i>Продолжение</i>)	97
VIII. Диалог между читателем и автором.	99
IX. Перчатка	103
X. Охота	115
XI. Заправский дуэлист из Пре-о-Клер	129
XII. Белая магия	140
XIII. Клевета.	153
XIV. Свидание.	158
XV. Темнота	172
XVI. Признание	174
XVII. Личная аудиенция	181
XVIII. Обращаемый	189
XIX. Францисканец	196
XX. Легкая кавалерия	201
XXI. Последнее усилие	212
XXII. Двадцать четвертое августа	229
XXIII. Два монаха.	237
XXIV. Осада Ла-Рошели.	253
XXV. Ла-Ну	258
XXVI. Вылазка	267
XXVII. Лазарет	274

Предисловие

Я только что прочел довольно большое количество мемуаров и памфлетов, касающихся конца XVI века. Мне захотелось сделать выдержки из прочитанного. Эти выдержки и составляют эту книгу.

В истории я люблю только анекдоты, среди анекдотов же предпочитаю те, в которых, представляется мне, есть подлинное изображение нравов и характеров данной эпохи. Подобное пристрастие не очень благородно, но должен признаться, к своему стыду, что я охотно бы отдал Фукидида за подлинные мемуары Аспазии или какого-нибудь Периклова раба, — ибо только мемуары, которые представляют собой задушевное собеседование автора с читателями, дают нам то изображение *человека*, которое интересует и занимает меня. Совсем не у Мезре, а у Монлюка, Брантома, д'Обинье, Таванна, Ла-Ну черпаем мы свое понятие о *французах* XV века. Стиль этих авторов так же показателен для их времени, как и их повествование.

Например, я читаю у Этуалья следующую краткую заметку: «Девушка де Шатоннеф, одна из мило-

чек короля, до его отъезда в Польшу, выйдя по любовной прихоти замуж за флорентинца Антиногги, капитана галер в Марселе, и найдя его распутничающим, убила его, как мужчина, собственными руками».

По этому анекдоту и по стольким другим, которыми полон Брантом, я воссоздаю в уме своем некий характер, и передо мной воскресает придворная дама эпохи Генриха III.

Любопытно, думается мне, сравнить эти нравы с нашими и проследить, как выродились энергичные страсти в наши дни и заменились бóльшим спокойствием, может быть — счастьем. Остается открытым вопрос, лучше ли мы наших предков, но решить его не так легко, ибо взгляды на одни и те же действия с течением времени очень изменились.

Так, например, убийство или отравление около 1500 года не внушали такого ужаса, какой они внушают теперь. Дворянин предательски убивал своего врага, просил помилования, получал его и снова появлялся в обществе, и никому не приходило в голову отворачиваться от него. Случалось даже — если убийство было вызвано чувством законной мести, — что об убийце говорили как теперь говорят о порядочном человеке, который убил бы на дуэли нахала, жестоко его оскорбившего.

Мне кажется, таким образом, очевидным, что поступки людей XVI века не следует судить с точки зрения понятий XIX века. То, что в государстве с усовершенствованной цивилизацией считается преступлением, в государстве с менее передовой

цивилизацией рассматривается только как признак смелости, а в варварские времена может сойти за похвальный поступок. Суждение *об одном и том же поступке*, как видно, должно видоизменяться *сообразно стране*, так как между народностями существует такая же разница, как между одним столетием и другим*.

Мехмет-Али, у которого мамелюкские беи оспаривали власть над Египтом, однажды приглашает к себе во дворец на праздник главных начальников этого войска. Как только они входят во внутренний двор, ворота за ними затворяются. Скрытые на верхних террасах албанцы расстреливают их, и отныне Мехмет-Али — единоличный владелец Египта.

И что же: мы заключаем с Мехметом-Али договоры; он пользуется даже уважением среди европейцев, и все газеты видят в нем великого человека; его именуют благодетелем Египта. А между тем что может быть ужаснее обдуманного убийства беззащитных людей. Но, по правде сказать, подобные западни узаконены местными обычаями и невозможностью выйти из положения другим способом. Вот где можно применить изречение Фигаро: «*Ma, per Dio, l'utilità*»**.

Если бы у некоего министра, фамилии которого я не назову, нашлись под рукой албанцы,

* Не следует ли распространить это правило и на отдельные личности? Одинаково ли виновен сын вора, занимающийся воровством, и воспитанный человек, объявляющий себя злостным банкротом? — *Здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, — примечания автора.*

** «А польза, черт возьми!» (*ит.*)

готовые расстреливать по его приказу, и если бы на одном из парадных обедов он уколошил выдающихся членов левой партии, то *фактически* его поступок был бы таким же, как поступок египетского паши, но *этически* — во сто раз преступнее. Убийство не в наших нравах. Но вышеупомянутый министр сместил многих либеральных выборщиков, мелких чиновников министерства, запугал других и таким способом добился выборов по своему вкусу. Если бы Мехмет-Али был министром во Франции, он ограничился бы тем же самым; и нет сомнения, что французский министр, перенесенный в Египет, принужден был бы прибегнуть к расстрелу, так как увольнения не могли бы произвести на нравственное состояние мамелюков достаточного впечатления*.

Варфоломеевская ночь была даже для своего времени большим преступлением; но, повторяю, массовое избиение в XVI веке совсем не такое же преступление, как избиение в XIX столетии. Прибавим еще, что бóльшая часть нации принимала в этом участие непосредственным действием или сочувствием: она вооружилась для преследования гугенотов, на которых смотрела как на чужеземцев и врагов.

Варфоломеевская ночь была как бы национальным восстанием, вроде испанского восстания 1809 года, и парижские горожане, умерщвляя еретиков, твердо верили, что повинуются голосу неба.

Простому рассказчику, как я, не пристало давать в этом томе точное изложение исторических

* Предисловие это было написано в 1829 г.

событий 1572 года; но раз я заговорил о Варфоломеевской ночи, я не могу удержаться, чтоб не привести здесь нескольких мыслей, пришедших мне в голову при чтении этой кровавой страницы нашей истории.

Хорошо ли поняты причины, вызвавшие это избиение? Было ли оно задолго обдуманном или же явилось следствием решения внезапного и даже случайного?

На все эти вопросы ни один историк не дает мне удовлетворительного ответа.

В качестве доказательств они используют городские слухи и предполагаемые разговоры, обладающие весьма малой ценностью, когда дело идет о разрешении столь важного исторического вопроса.

Одни делают Карла IX чудовищем двуличности; другие изображают его человеком угрюмым, сумасбродным и нетерпеливым. Если он раздражается угрозами против гугенотов задолго до 24 августа... это служит доказательством, что он издавна готовил им разгром; если он их ласкает... это — доказательство его двуличности.

Я хочу напомнить об одной лишь истории, которая приводится везде и которая доказывает, с какой легкостью доверяют самым невероятным слухам.

Говорят, что приблизительно за год до Варфоломеевской ночи был уже составлен план избиения. Вот этот план. В Пре-о-Клер предполагали деревянную башню; внутри ее собрались поместить герцога Гиза с дворянами и солдатами из католиков, а адмирал с протестантами должны

были произвести примерную атаку, как будто для того, чтобы доставить королю зрелище примерной осады. В разгар этого в своем роде турнира по данному сигналу католики должны были зарядить свои ружья и убить врагов раньше, чем те успели бы приготовиться к защите. Чтобы разукрасить эту историю, прибавляют, что фаворит Карла IX, по фамилии Линьероль, будто бы нескромно выдал весь этот заговор, сказав королю, когда тот поносил протестантских вельмож: «Ах, ваше величество, погодите, будет у нас крепостная башня, которая отомстит за нас всем еретикам». (Заметьте, прошу вас, что для этой крепости ни одна доска еще не была поставлена.) Король позаботился лишить жизни этого болтуна. Говорят, что план этот изобретен был канцлером Бирагом, в уста которого между тем влагают следующие слова, свидетельствующие о совершенно противоположных намерениях; что «для освобождения короля от его недругов ему требуется только несколько поваров». Последнее средство было гораздо удобоисполнимее, чем первое, экстравагантность которого делала его почти неосуществимым. И действительно, неужели у протестантов не возникло бы подозрения относительно приготовлений к такой примерной войне, где столкнулись бы обе партии, недавно еще враждебные друг другу? Наконец, собрать гугенотов воедино и вооружить их — было бы плохим средством для того, чтобы купить их гибель дешевой ценой. Очевидно, что, если бы в то время задумали их всех уничтожить, было бы лучше напасть на каждого в отдельности и на безоружных.

Что касается меня, я твердо убежден, что избиение не было заранее обдуманно, и не могу постигнуть, как склоняются к противоположному мнению авторы, в то же время единодушно считающие Катерину женщиной, правда, очень злой, но одним из глубочайших политических умов своего времени.

Отложим временно в сторону мораль и рассмотрим этот предполагаемый план с точки зрения его полезности. Я утверждаю, что он не был полезен двору и, кроме того, был приведен в исполнение с такой неловкостью, которая заставляет предполагать, что составители этого плана были людьми самыми сумасбродными на свете.

Рассмотрим, должна ли была королевская власть выиграть или проиграть от такого плана и в ее ли интересах было допускать подобное исполнение.

Франция была разделена на три большие партии: на партию протестантов, во главе которой после смерти принца Конде стоял адмирал, на королевскую партию, самую слабую, и на партию Гизов, тогдашних крайних роялистов.

Очевидно, что король, имевший одинаковые основания опасаться как Гизов, так и протестантов, должен был бы для сохранения своей власти стараться, чтобы обе эти стороны находились в состоянии вражды. Уничтожить одну из них — значило отдать себя на благоусмотрение другой.

Система политических качелей уже тогда была отлично известна и применялась на практике. Ведь изречение «разделять, чтобы царствовать» принадлежит Людовику XI.

Теперь посмотрим, какова была набожность Карла IX, так как излишняя набожность могла бы побудить его к мероприятиям, расхоронившимся с его выгодой. Но все, наоборот, указывает на то, что, не будучи свободомыслящим, он тем не менее не был фанатиком; к тому же и мать его, которая им руководила, никогда не поколебалась бы пожертвовать своими религиозными убеждениями, если только они у нее были, в пользу властолюбия*.

Но предположим, что Карл, или его мать, или, если угодно, его правительство решили, вопреки всем правилам политики, извести во Франции протестантов; если бы они пришли к такому решению, вероятно, они зрело обдумали бы средства, наиболее способные обеспечить им успех в этом деле. В таком случае первое, что приходит в голову как самое верное средство, это то, чтобы избиения происходили по всем городам королевства одновременно, и реформаты, таким образом, подвергнувшись повсюду нападению со стороны численно превосходящей** их силы, были бы лишены

* Приводят как доказательство глубокой двуличности Карла IX одну его фразу, которая, по-моему, представляет только грубую выходку человека, совершенно равнодушного к религиозным вопросам. Папа всячески задерживает разрешение на брак Маргариты де Валуа, сестры Карла IX, с Генрихом IV, в то время протестантом. Король сказал: «Пусть святой отец откажет! Я возьму сестрицу Марготон под руку и выдам ее замуж в протестантской кирке».

** Население Франции тогда равнялось приблизительно двадцати миллионам. Считается, что ко времени второй гражданской войны протестантов насчитывалось не более полутора миллионов, но у них было пропорционально больше денег, солдат и генералов.

возможности защищаться где бы то ни было. Чтобы истребить их, достаточно было бы одного дня. Таким именно образом Ассур некогда задумал избиение евреев.

Между тем мы читаем, что первые королевские приказы об избиении протестантов получены 22 августа, т. е. четырьмя днями позднее Варфоломеевской ночи, так что известия об этой бойне должны были предупредить королевские депеши и встревожить всех людей, заинтересованных в делах религии.

Главным образом необходимо было овладеть укрепленными местами протестантов. Пока они находились в их руках, королевская власть не была достаточно прочной. Таким образом, если предположить существование католического заговора, станет очевидным, что одним из главнейших мероприятий должен был быть захват Ла-Рошели 24 августа и в то же время наличие войска на юге Франции, чтобы воспрепятствовать соединению реформатов*.

Ничего этого сделано не было.

Я не могу допустить, чтобы одни и те же люди, которые смогли задумать преступный план, чреватый столь важными последствиями, так плохо привели его в исполнение. Действительно, принятые меры были столь недействительны, что через несколько месяцев после Варфоломеевской ночи война заново разгорелась, причем реформаты не

* Во время второй гражданской войны протестанты в один и тот же день врасплох завладели больше чем половиной укрепленных мест Франции. Католики могли сделать то же самое.